

АНДРЕЙ ШУМИН
И ЕГО ГЕРОИ

СКАЗОЧКИ НА ЧЕРДАКЕ

МИКРОСКАЗКИ

4 ТОМ

Андрей Шумин
«Сказочки на чердаке»
микросказки 4 том

<https://litres.ru/74413324>

SelfPub; 2026

Аннотация

По вечерам на нашем чердаке собираются странные существа. Они рассказывают истории и сказки. Мне всегда хотелось подняться туда на чердак, но мне было страшно, а когда собирался встать, то сразу же засыпал! Кто они? Никто не знает! Я их не особо разглядывал, но зато записывал их истории. Можете почитать. Только осторожно! Не сломайте голову!

Содержание

151. Банный полук	4
152. Стекло как зеркало.	5
153. Странная дверь	6
154. Вечная тень	7
155. Ветка в окне	8
156. Крик сосны	9
157. Тихий угол	10
158. След на тропе	11
159. Тяжелое корыто	12
160. Половик и шаги	13
161. Дым	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Шумин

«Сказочки на чердаке»

микросказки 4 том

151. Банный полок

В бане, на верхнем полке, лежал старый половик, который никто не стелил. Он был серый, вытертый, но если на него сесть, он проваливался на вершок, как будто под ним было не дерево, а пустота. Хозяин сел на него однажды и почувствовал, что проваливается не телом, а мыслями, которые уходили куда-то вниз, как вода в песок. Полок сказал: «Не могу держать, а только отпускать. Если ты сядешь на меня, ты уйдёшь туда, где нет ни боли, ни радости. Ты просто перестанешь быть».

Хозяин вскочил, но голова осталась тяжёлой, как будто часть его мыслей осталась на полке. Он больше не садился на него, но каждую ночь ему снилось, что он сидит на том полке и смотрит, как его собственные мысли тают в темноте. Он не знает, вернутся ли они, но чувствует, что полок ждёт, когда он сядет снова, чтобы забрать остальное. И это было самое странное, к чему он постоянно возвращался оставшимися мыслями.

152. Стекло как зеркало.

В тёмном углу избы висело маленькое зеркало, затянутое паутиной. В нём ничего не отражалось, кроме серой мути, но если на него посмотреть долго, муть начинала двигаться и складываться в лицо, но не твоё, а чужое, которое смотрело на тебя изнутри. Хозяйка долго смотрела и увидела лицо своей бабушки, которая умерла сорок лет назад. Бабушка моргала, шевелила губами, но слов не было. Хозяйка спросила: "Ты жива?" Зеркало ответило голосом, похожим на шорох сухих листьев: "Нет, я всего лишь зеркало и показываю тех, кто смотрит на себя через меня. Ты видишь её, потому что ты сама уже стала её продолжением. Ты носишь её лицо, но не знаешь этого".

Хозяйка отвела взгляд, но лицо осталось в углу глаза, но оно не исчезло, даже когда она начала моргать. Она сняла зеркало, завернула в тряпку и убрала в сундук, но каждую ночь ей казалось, что бабушка смотрит на неё из темноты, и она не знает, как отвести этот взгляд.

153. Странная дверь

В сенях стояла дверь, которая всегда была приоткрыта на вершок. Если её закрыть, она открывалась сама собой через мгновение, как будто кто-то не давал ей закрыться. Хозяин закрывал её, приставлял кол, но дверь всё равно приоткрывалась. Однажды он сказал: «Ты что, не хочешь закрываться?» Дверь ответила: «Не могу закрыться, потому что через меня всегда кто-то должен войти. Если я закроюсь, тот, кто должен войти, останется снаружи навсегда».

Хозяин перестал закрывать дверь, оставил её открытой. Но никто не входил. Дверь стояла и ждала, скрипела от ветра, звала кого-то невидимого. Хозяин начал бояться, что тот, кого ждёт дверь, уже вошёл, но он его не заметил. Теперь он сидит у двери и слушает, как она приоткрывается и шепчет: «Входи, входи, я жду». Так и сидит он до сих пор, вглядываясь в пустоту.

154. Вечная тень

В углу избы, за печью, лежала тень, которая не двигалась, даже когда солнце ходило по комнате. Она лежала неподвижно, как чёрный платок, и не исчезала ночью. Хозяйка пыталась её выместить, но тень не поднималась и оставалась на месте, как вросшая. Однажды хозяйка сказала: «Ты что, не уходишь?» А Тень ответила: «Не могу падать от предметов, падаю от того что ты боишься сказать. Каждый раз, когда ты не договариваешь, я становлюсь темнее. Ты не можешь меня выместить, потому что я словно ты сама, но не высказанная».

Хозяйка попыталась говорить всё, что думает, но тень не стала светлее. Она сказала себе правду, но тень осталась на месте, только стала тяжелее. Она поняла, что тень не просто, что она не сказала, а то, что она не узнала в себе. Она не может её выместить, потому что тень часть её, которая не хочет уходить, потому что это есть в ней самой, но чего она не знает.

155. Ветка в окне

У окна, снаружи, росла ветка, которая касалась стекла. Она не стучала, не скребла, но если долго смотреть на неё, она начинала двигаться, как живая, и рисовать на стекле узоры: круги, линии, чьи-то имена. Хозяйка смотрела на ветку и видела, как она выводит её собственное имя, а потом перечёркивает его. Ветка сказала: «Так можно рисовать на стекле то, что ты не можешь увидеть иначе. Тебе только надо спокойно смотреть не спеша всё. Твоё имя уже перечёркнуто, потому что ты перестала быть той, кем была».

Хозяйка хотела отломить ветку, но она не сломалась. Она была крепче камня. Она закрыла окно ставнями, но ветка продолжала рисовать на них, оставляя следы, которые можно было прочесть только на ощупь. Она не открывает окно, но знает, что ветка всё ещё рисует её имя на дереве, стирая его каждый раз, когда она отворачивается.

156. Крик сосны

На опушке, у самого леса, стояла сосна, ствол которой был искривлён так, будто дерево пыталось уйти, но не смогло. Если приложить ухо к коре, изнутри доносился не гул ветра, а тонкий, непрерывный крик. Не громкий, но настойчивый, как зов, который никто не слышит. Хозяйка услышала его однажды, когда собирала хворост. Она прижалась ухом к стволу и различила слова: «Ты не та, ты не та, ты забыла имя». Она отшатнулась, но крик остался в ушах. Сосна не шевелилась, но когда хозяйка вернулась домой, она услышала тот же крик из стены, из печи, из собственной головы. Сосна сказала: «Раньше я была деревом, в которое ударила молния, но я не сгорела, я запомнила удар. Теперь я кричу не от боли, а оттого, что меня не слышат. Ты услышала меня, и теперь я буду кричать в тебе, пока ты не назовёшь меня по имени».

Хозяйка не знала имени сосны. Она искала его в книгах, в памяти, в снах, но не находила. Крик становился громче, и однажды она поняла: на самом деле, имя сосны её собственное имя, которое она забыла, когда перестала слушать себя. Она назвала его вслух, и сосна замолчала. Но теперь она знает, что если она снова забудет себя, сосна закричит снова, и на этот раз не замолкнет.

157. Тихий угол

В избе, у самой печи, был угол, в котором никогда не было пыли. Странно, потому что в углу всегда скапливается паутина, но этот угол был пустым, чистым, как будто его кто-то постоянно протирал. Хозяйка не придавала значения, пока однажды не услышала, что в том углу что-то дышит. Ровно и глубоко, как спящий человек. Она подошла, прислушалась, и угол сказал: «Здесь хранится всё, что ты не говоришь, но думаешь. Каждую ночь, когда ты засыпаешь, я собираю твои мысли, которые не стали словами. Я храню их, чтобы они не мешали тебе жить, но они становятся тяжелее с каждым днём».

Хозяйка не знала, что у неё так много невысказанных мыслей. Она села в угол и попыталась вспомнить их, но они ушли туда, где их не достать. Она почувствовала, что угол давит на неё, как подушка, в которой спрятаны камни. Она вышла из угла, но он остался в её памяти и теперь она слышит, как её собственные мысли дышат в том углу, и не знает, что с этим делать.

158. След на тропе

За огородом начиналась тропа, которая вела к лесу. Она была старой и не утоптанной, но если на неё встать, она начинала светиться тусклым, холодным светом, как будто под землёй горели угли. Хозяин шёл по ней и чувствовал, что каждый шаг оставляет след не на земле, а в нём самом. Тропа сказала: «Помню шаги всех, кто по мне ходил. Храню их шаги, их дыхание, их страх. Если ты пройдёшь по мне до конца, ты встретишь всех, кто прошёл до тебя, и они укажут тебе дорогу домой.

Хозяин пошёл до конца и увидел на тропе своих предков: отца, деда, прадеда. Они стояли и молчали, но каждый из них протянул ему руку. Он хотел взять их руки, но не смог. Все они были холодными, как лёд. Он понял, что они не живы. Это память, которую тропа хранит. Он повернул назад, и тропа погасла. Теперь он знает, что его предки ждут его на той тропе, и однажды он должен будет пройти по ней до конца.

159. Тяжелое корыто

У колодца стояло корыто, в котором поили скотину. Оно было деревянным, старым, но если в него налить воды, она не впитывалась, а становилась тяжелее, чем должна быть. Хозяин поднимал корыто и чувствовал, что оно весит не по воде, а по тому, что в ней отражается. Корыто сказало: «Во мне не просто вода, а память о том, кто пил из меня. Твоя скотина, твоя жена, твои дети. Они все они оставляли в воде своё отражение. Теперь эта вода тяжелая, потому что она хранит их лица».

Хозяин вылил воду, но корыто осталось тяжёлым. Он понял, что тяжесть не в воде, а в самом корыте, как след всех тех, кто наклонялся над ним. Он оставил корыто пустым, и оно высохло, но всё ещё было тяжёлым, как камень. Теперь он не наливает в него воду, потому что знает: если он это сделает, он увидит в ней все лица, которые уже ушли.

160. Половик и шаги

В прихожей лежал половик, сотканный из старых тряпок, тёмный, как земля. На нем не было узоров, только следы - не отпечатки, а вытканые линии, похожие на тропы. Если на него встать, он не пружинил, а проседал, как будто под ним была не доска, а мягкая земля. Хозяйка встала на половик и почувствовала, как он тянет её вниз, как будто хочет увести под пол. Половик сказал: « На мне шаги тех, кто ушёл. Каждый шаг словно нить, которую я вплетаю в себя. Если я стану слишком толстым, я уйду под землю вместе с теми, кто по мне ходил».

Хозяйка не знала, что её шаги тоже остаются на половике. Она стала ходить по нему босиком, и каждый шаг оставлял след, который половик вплетал в себя. Он становился всё толще, и однажды она заметила, что её ноги уже не стоят на полу, а уходят в половик. Она не может вытащить их, потому что половик держит её шаги, и она чувствует, как её тянет вниз, к тем, кто ушёл до неё.

161. Дым

Из трубы старой избы шёл дым, но он не поднимался вверх, а стелился по земле, как туман. Он окутывал всё вокруг, и в нём проступали силуэты. И не деревьев, не домов, а лиц. Лица смотрели на прохожих и исчезали, когда кто-то пытался их разглядеть. Хозяйка вышла во двор и увидела в дыму лицо своей матери, которая улыбалась ей. Она протянула руку, но дым рассеялся. Тогда она закричала: «Кто ты?». Дым ответил голосом, похожим на шелест: «Это простой дым, который не сгорает, а помнит. Всё, что сгорело в этой печи, оставляет во мне свой след. Ты сжигала письма, старые платки, свои слёзы. Я храню их, и теперь они выходят наружу, когда я касаюсь земли».

Хозяйка перестала топить печь, но дым продолжал идти. Он шёл из-под пола, из щелей, из её собственного дыхания. Она поняла, что не может остановить то, что уже сгорело. Теперь она живёт в дыму, который показывает ей всё, что она хотела бы забыть, но не может сжечь второй раз. От него порою становилось тяжело дышать и тяжесть появлялась в груди, но делать нечего, пришлось привыкать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.